

Сергей Горбачёв

Андроид 2.0

Повесть

Сергей Горбачёв

Андроид 2.0. Повесть

«Издательские решения»

Горбачёв С.

Андроид 2.0. Повесть / С. Горбачёв — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-741116-9

Этот сюжет легко трактовать как метафору, басню с неизбежной моралью в конце. Например, так: современная Россия окончательно выродилась. Всё на продажу. Люди превратились в управляемых андроидов, которые развлекают других андроидов по ту сторону монитора. Но в повести нет никаких метафор. И никакой морали... А вот любовь есть. И эта романтика, которую автор развел на своих страницах, порой кажется абсолютно неуместной. Но суть именно в ней: ведь андроиды любить не умеют.

ISBN 978-5-44-741116-9

© Горбачёв С.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть 1.	8
Глава первая	9
Глава вторая	14
Глава третья	21
Часть 2.	25
Глава четвёртая	26
Глава пятая	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Андроид 2.0 Повесть

Сергей Горбачёв

*Даже у людей, лишённых Евангелия,
есть своя гора Елеонская.*

На ней тоже нельзя дремать.

Альбер Камю

Иллюстратор Светлана Горбачёва

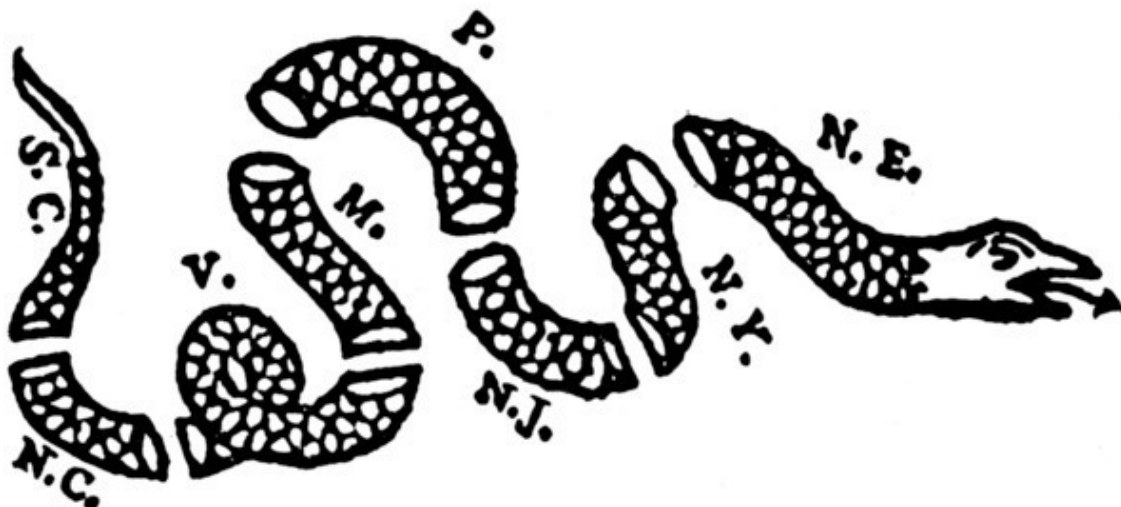
© Сергей Горбачёв, 2022

© Светлана Горбачёва, иллюстрации, 2022

ISBN 978-5-4474-1116-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

– Интересно, а к чему Путин снится? – Бен устало потёр переносицу, одним крупным глотком допил свой кофе и переспросил: – Как думаешь, Макс, к чему, а?

...Приснилось, что вызывает меня Путин к себе, и я так долго иду какими-то коридорами, а он вдруг выходит мне навстречу в майке. Ну обычная такая майка-алкоголичка, заправленная в брюки от костюма... Почему-то именно так и отложилось, что брюки от костюма... Руку пожимает, отлично, говорит, я рад, пойдём... Ведёт меня куда-то, по ходу спрашивает кого-то, а где ключи, мол, от оружейки, затем сам открывает какую-то дверь, выносит АК-74, протягивает мне и словно ждёт чего-то... А я растерялся так, но за ремень оружейный берусь и как-то ловко вышло. Оп! И автомат за спину закидываю, ну прям как на присяге... Понравилась ему эта расторопность, видно, по плечу хлопнул и говорит что-то... А у меня мысль одна: что теперь делать с автоматом этим, где хранить его... Может, уже, думаю, всё как в Израильской армии стало, и оружие по домам хранят... А у меня даже ящика железного нет... Где взять железный ящик?... Вот с этой мыслью где же взять железный ящик я и проснулся... – Бен усмехнулся.

– Это же как заморочиться надо, чтобы такое родить, – покачал головой Макс. – Ты уже присягаешь во сне. Путину в майке-алкоголичке... Полный сюр! Хотя, признаюсь, мне давеча не меньшая фигня снилась.

– Что, тоже Путин?

– Да нет, но пропёрло не меньше тебя. Как будто гуляю с дочкой в Измайловском парке, ни души вокруг, и вдруг медведь появляется. Ну огромный такой, бурый медведище, и идёт навстречу. Я понимаю, что бежать нельзя, Сашку прижимаю к себе, глаза ей рукой закрываю, а сам стараюсь с ним взглядом не встретиться... И медведь мимо проходит, ноль внимания на нас, но я-то знаю, что он притворяется... Только я дух перевёл, как леопард появляется, ну или ягуар, кто их разберёт, пятнистая, короче, зверина и также в нашу сторону шкандырябает... Этот совсем близко подошёл, понюхал меня даже... И тоже свалил... Сердце, как отбойный молоток, от страха из груди готово выпрыгнуть, а вдали ещё что-то навстречу движется... Ну всё, думаю, это чудище уж точно по наши души, мимо не пройдет... Приближается... А это козёл! Белый такой горный козлище, рога вот такие, – смеясь, развёл Макс руками, – огромные. Красивый очень... И тоже мимо... «Что же это такое?» – кричу я во сне. Сам понимаешь, козёл не медведь, тут уже и поорать можно... А навстречу верблюд... Хватит ржать, Бен, это не сказка про белого бычка, ща всё закончится.

– Ой, не могу, Макс, – задыхаясь от смеха, выдавил Бен. – Кому – Путин, а кому – козлы... Ну рассмешил так рассмешил... – громко смеялся он.

– Погодь, не всё ещё, – в тон ему раскатисто захохотал Макс, – верхом на верблюде дрессировщик, пьяный вдрабадан, помятый какой-то... Бен, ну не смейся же ты так, а то я рассказывать уже не могу...

Они на секунду замолчали, потом посмотрели друг на друга и совсем зашлись смехом.

– Короче, вызверился я на него: «Ты что, скотина такая, творишь, – кричу, – у тебя тут хищники среди людей бродят!» А он мне пьяненько так икая отвечает: «Вам не зверья, вам змеюку бояться надо». И скалится во весь рот: директор цирка, мол, выгнал, ходим вот, побираемся... «А тут нигде, – спрашивает, – Ленинградского вокзала поблизости нет?» Знал бы я, что тебе автомат уже вручили, я бы ему ответил...

Они ещё долго смеялись, подначивая друг друга и выворачивая сны наизнанку, то обесилено замолкая, то снова взрываясь безудержным хохотом.

Часть 1. Виды на жизнь

Проси больше, дадут сколько нужно.
В. Путин

Глава первая

Осень 2009 года

Название переулка, где располагался Центральный аппарат партии, уже давно служило поводом для насмешек. Весь этот район старых улочек в центре Москвы был очень даже приличным, но вот одно наименование – Лядский переулок – почему-то располагало всех кому не лень добавить лишнюю букву в начало слова.

Что удивительно, носил своё имя переулок с незапамятных времён, но хихикать над его новым скабрёжным прозвищем начали лишь после того, как в шестиэтажный дом, торцом выходящий на Лядский, вселилась правящая партия «Наша Россия». Вот такая она, народная любовь...

Руководитель Центрального аппарата партии Юрий Андреевич Руморев знал о столь двусмысленном шлейфе, тянущемся за Лядским переулком, однако относился к нему снисходительно. Причин такой терпимости было много. Две из них этот далеко не последний человек в партийной иерархии, как-то задумавшись, даже сформулировал. Ну, во-первых, в российских коридорах власти, как и в армии, с большим уважением относятся к крепкому словцу. «Мы на ём не ругаемся, мы на ём разговариваем» – эту присказку своего отца, генерала Руморева, Юрий Андреевич помнил с младых ногтей. Во-вторых, Руморев-младший и сам был не дурак, хорошо понимал, что русский анекдот к пустому месту не прилипнет. Ну а если прилип, то, значит, и место это не абы какое, а стоящее. «Раз говорят, значит – знают, – размышлял Юрий Андреевич, – а если знают, но всё равно продолжают говорить, значит – просто любят». И такая замысловатая логика Руморева очень даже устраивала.

Он вообще относился к той категории педантов, которые всему находят объяснение и всё раскладывают по полочкам. Это же ведь так удобно – один раз придумал объяснялку, а потом век живи и пользуйся. Юрий Андреевич настойчиво следовал принятому образу мыслей, установившимся привычкам и полагал, что вправе требовать того же от других. И очень не любил, когда вся так тщательно выстроенная в уме конструкция рушится. Порядок и понимание в собственной голове ценил он превыше всего и считал главным своим конкурентным преимуществом.

Кстати сказать, по партийным меркам был Юрий Андреевич Руморев довольно молодым человеком, ещё и сорока не исполнилось – возраст удивительный для его высокой должности. Поэтому-то про «конкурентное преимущество» знал не понаслышке и регулярно доказывал его, ловко карабкаясь вверх по партийной лестнице. Но сейчас он пребывал в панике. Ведь ладно бы где-то на стороне проблемы возникли, так нет же, на собственном сайте виртуальный нарыв вырос. Столько строил этот партийный Интернет, а получил одни неприятности... Вырастил на свою голову... «Одних вырастил, других пригрел», – родилась в голове и встала на полочку чёткая формулировка, отчего Юрий Андреевич не на шутку разозлился и схватился за телефон:

– Необходимо срочно внести изменения в повестку ближайшего генсовета партии, – сердито распорядился он. – И ещё... Соберите всю информацию по нашим договорам с фирмой «Web-студия 2.0». Меня интересует, сколько денег мы им уже заплатили за последний год и сколько планируется выделить в ближайшее время...

* * *

Свою первую встречу с партийным начальством Алексей помнил хорошо. Уже прошли предварительные переговоры, когда всю их троицу: его, Лизу и Макса – пригласили в Лядский

переулок. Вернее, Лизка здесь была и раньше, ведь именно ей на голову свалился партийный контракт.

Этой способности Лизаветы – оказаться в нужное время в нужном месте – Алексей уже давно перестал удивляться. Мисс Да (так звали её друзья) всегда утвердительно отвечала на самые невероятные предложения, которые поступали их веб-студии от разного рода заказчиков. И хотя иногда компаньоны в ужасе хватались за голову с воплем: «Лизка, ты сошла с ума!», мисс Да так убедительно объясняла, почему невозможное возможно, что ей верили. Потом, правда, Лёха долго ворчал, а Макс невозмутимо посмеивался, но зато, когда всё получалось, принимали как должное.

Ту первую встречу в самом большом на этаже партийном кабинете проще было назвать одним словом – смотрины. Причём, в буквальном смысле. Алексей это понял, когда вместо здравствуйте Руморев внимательно оглядел их и бросил своему заместителю, задавая шутливо-свободный тон разговора:

– Ну вот, вполне прилично выглядят... А вы говорили: интернетчики, – он поднялся навстречу, но персональным вниманием удостоил, конечно же, Лизку. – У вас интересный галстук...

Хорошие галстуки были слабостью Юрия Андреевича Руморева. Откуда Лизка об этом пронюхала, неизвестно, но пронзительно-синий шёлковый галстук к своему брючному костюму она завязала таким мудрёно-редким «принцем Альбертом», что не обратить внимания на этот узел Руморев не смог.

– Спасибо, мне тоже нравится, – ничуть не смутившись, ответила Лизавета и улыбнулась: – А вы ожидали, что я в дредах приду?

– Ну... с вашим бизнесом и безупречной репутацией, – сделав акцент на последнем слове, хозяин кабинета многозначительно улыбнулся в ответ, – вы можете себе позволить как угодно приходить, – и жестом пригласил друзей садиться.

«А ведь мы ровесники», – неожиданно для себя открыл тогда Алексей. Странное дело, раньше, когда он наблюдал этого человека по телевизору, у него такого чувства не возникало. А теперь, помимо удивления, даже жалость какая-то мелькнула: «Как же он, бедолага, здесь выживает? Скучно ведь».

* * *

До недавних пор Юрий Андреевич Руморев был так же далёк от Интернета, как и Интернет от его партии, но где-то с год назад всё изменилось и параллельные прямые неожиданно пересеклись, притом что идея громко заявить о партии в Интернете принадлежала не ему – задачу спустили сверху. И пугало Руморева то, что он не понимал смысла этой затеи.

Официальный сайт, подконтрольные издания, через которые в Сеть запускалась нужная информация, – всё это давно существовало, было просто и понятно. Но зачем партии самой лезть в блогосферу, эту неподконтрольную сетевую помойку, где так не любят власть, где телевизор называют зомбоящиком, а его партийцев – андроидами, Руморев понять не мог.

На выборы ведь эти блогеры не ходят, да и не надо, чтобы они ходили, только статистику испортят. Переубедить и сделать лояльными их невозможно. А самое главное – их невозможно контролировать. «Тогда зачем весь этот огород городить?» – думал он ещё тогда, на Старой площади¹, где родилась и была озвучена идея создания нового партийного Интернета. Но в глаза старших товарищей Юрий Андреевич смотрел понимающе, деловито кивал и даже

¹ Старая площадь (разг.) – синоним высшего руководства страны: в советский период на Старой площади располагался ЦК КПСС, в настоящее время это же здание занимает Администрация Президента РФ.

умудрился такие сроки запуска проекта назвать, что хозяин кабинета, хотя и удивился, но, конечно же, одобрил партийное рвение Руморева.

И ведь не обманул Юрий Андреевич ожидания, всё в срок исполнил: и людей нашёл, и условия организовал. И сайты всякоразные стали появляться на партийной орбите. Название одному из них, кстати, сам придумал – «Берлога». Хорошее имя для партийного форума, с выдумкой, к символу партии – бурому мишке – очень подходит. Одного лишь не смог побороть Руморев – свою неприязнь к Интернету и ко всем, кто в нём обитает. Другие они, живут какой-то другой, своей жизнью. Вот и дожились до скандала, который поставил под угрозу всю его карьеру.

В отличие от основной массы чиновного люда, вынужденного в начале века спешно менять теннисные ракетки на горные лыжи, Юрий Андреевич Руморев новую царскую забаву принял легко. Всё нравилось ему: и скорость, и красивые горнолыжные костюмы, а уж тем более – горнолыжные курорты.

Уже много лет подряд ездил Юрий Андреевич после Нового года во французский Куршевель. И хоть поднадоел ему порядком этот курорт, но именно здесь собирались на заслуженный отдых люди его круга.

Так было и на этот раз. Несмотря на непонятное явление, которое по телевизору упорно называли «мировым финансовым кризисом», российская политическая и бизнес-тусовка, щедро одобренная гламуром, развлекалась на широкую ногу. Хотя на памяти Руморева они всегда так отдыхали, и никогда не было никаких проблем. А вот тут возникли...

И дёрнул же чёрт Юрия Андреевича вместе со всей компанией министров, банкиров и просто чиновников рангом много выше среднего в сильном подпитии выйти во двор ресторана, где они праздновали старый Новый год. А во дворе их уже ждали репортёры, что самое удивительное – российские, которые и засняли всё, в том числе и неуклюжую попытку Руморева спрятаться от славы.

Скандал разразился, когда после статьи в газете выступил президент с заявлением, что отныне и до конца кризиса все госчиновники высшего ранга будут согласовывать с ним не только время, но и место своего отдыха. И хотя Юрий Андреевич формально не был госчиновником, пару неприятных разговоров на Старой площади ему пришлось вытерпеть. И требование к нему в администрации было одно: делай что хочешь, но лимит на скандалы вокруг твоей фамилии исчерпан. Очень переживал по этому поводу Руморев. Массу сил и средств положил на то, чтобы заблокировать опубликованный из Куршевеля материал, лишь бы не пошла гулять тема по российским газетам и телеканалам. И вроде не напрасными были его усилия, волну удалось быстро погасить, так что довольно скоро забыли эту историю.

Но кто-то, видимо, не забыл и решил напомнить грешки Румореву. Три дня назад в его же собственной «Берлоге», на форуме его же партии была создана каким-то провокатором тема, в которой подробно описывались похождения Юрия Андреевича, а особо сочно – его бегство от славы в сторону клозета. Ну и заканчивались эти так напугавшие Руморева обвинения неожиданным выводом: после Куршевеля партия запускает в Интернете всё новые и новые проекты, списывая под сурдинку миллионы, которые якобы идут на блокировку любого негатива в адрес Руморева.

Вот такого удара в спину, да ещё и сейчас, Юрий Андреевич не ожидал. Как мог возникнуть и целую ночь провисеть на партийном сайте столь возмутительный пасквиль в его адрес? Это ли не диверсия?! И ладно, если это непростительная оплошность снизу, а вдруг это целенаправленное указание сверху – топить его, Руморева? А вдруг это как-то связано с недавним назначением нового, никому не известного чекиста на третий пост в партии – должность секретаря генсовета...

Впрочем, опыта внутрипартийной борьбы Юрию Андреевичу было не занимать, потому не стал он бить в колокола, распорядился ввести жёсткую модерацию всего, что публикуется на партийных сайтах, после чего включил в повестку ближайшего генсовета пункт о запуске очередного интернет-проекта партии. Такого проекта, чтобы никто не посмел даже косо посмотреть. Вот тут-то новое начальство себя обязательно проявит, и станет ясно, случайность обличительный пасквиль или чьё-то целенаправленное действие. А уж он на всё это посмотрит и примет правильное решение...

* * *

– Лёш, у меня новости... – Лизавета устало плюхнулась в кресло и жалобно протянула: – Зови Макса, спасать меня надо.

– Очередная авантюра намечается? Опять Путин на кнопку нажимать будет? Опять наобещала бог знает чего?

– Не опять, а снова, – огрызнулась Лизавета, – тоже мне, спаситель нашёлся, обращайся после этого к нему... – и, подвинув к себе телефон, сама набрала внутренний номер. – Максик, зайди к Лёшке, разговор есть...

...История с кнопкой была хохмой для внутреннего пользования. Несколько месяцев назад, когда они запускали первый сайт партийного портала, Руморев неожиданно озадачил их: во-первых, время на отладку сокращалось в три раза, так как решил он приурочить запуск к съезду партии, ну и во-вторых, Румореву теперь нужна была ещё и сногшибательная презентация всего партийного Интернета. И летели все их предложения в корзину до тех пор, пока Лизавета не придумала соорудить на съезде некую кнопку, на которую должен нажать сам Путин как председатель партии, дабы запустить портал. Признаться, предложила она заведомо невыполнимую на её взгляд идею осознанно, чтобы от них отцепились и дали спокойно работать. Но идея с кнопкой, а главное, с Путиным, так вдохновила Руморева, что стала его идефикс. И Юрий Андреевич ещё долго нахваливал Лизавету за находчивость, чем изрядно смешил её друзей...

– Садись, друже, поудобнее, похоже, у Лизки есть для нас новости, – кивнув другу, появившемуся в дверях, Алексей достал из ящика стола пачку табака, сигаретные фильтры и машинку для набивания сигарет. – Макс, тебе крутить? А тебе, Лиз?

Высокий мужчина с густой шевелюрой и постоянным шарфиком на шее тем временем поцеловался с Лизаветой, невозмутимо угукнул Алексею в ответ и вальяжно устроился на диване.

– Ну ты же знаешь, Лёш, – чуть улыбнулась Лизавета, – что курю я раз в пятилетку, и повод для этого нужен особый. Надеюсь, Руморев этим поводом никогда не станет.

– Ага, знаю... – Алексей невозмутимо забил сигаретку и протянул её через стол Макс, обращаясь к нему: – Курит, Максимка, наша Лизавета исключительно, когда влюбляется, ну ты в курсе. Очень надеюсь, что Румореву это не светит. А может, светит, а, Лиз?

– Я вот тебе сейчас засвечу, выпросишь-таки! – деланно нахмурилась она.

– Понял. Так бы сразу и сказала. Сдаюсь! – Алексей нарочито испуганно вскинул руки, и они рассмеялись, довольные, что ритуал дружеской встречи как всегда был соблюден.

– Как дети, блин, – ухмыльнулся Макс, – одно и то же каждый раз... Ты лучше скажи, Лиз, когда по поводу Бена курить будешь? А то ходите тут вечно кругами...

– Да вот сделает сайт Путина, тогда можно и пыхнуть, – не глядя на Алексея хитро улынулась Лизавета.

– Т-а-а-к... вечер перестал быть томным... Нет, ты это слышал, Лёха? Чего молчишь?! – Макс лишь развёл руками. – Ну выкладывай уж, раз начала.

– Да, собственно, я почти всё и сказала. С нас сайт Путина. К внеочередному съезду партии. У нас три месяца на всё про всё – придумать, утвердить и сделать.

– Слушайте, прав Черномырдин, здесь какую партию ни строй, всё равно КПСС получается, – скептически покачал головой Макс. – Что же они всё показухой на этих съездах занимаются? И в прошлый раз, и сейчас...

– Да ладно тебе, Макс, – устало смахнула чёлку с глаз Лизавета, – я этой фигнёй уже и не парюсь. Главное, что времени отвели по-божески. Могли ведь, как тогда, за месяц задачу поставить... В общем, пацаны, отвертеться я не смогла, только бюджет двойной для веб-студии выбила. Денег будет много, правда, на дополнительных условиях.

– Ну и то хорошо, – помолчав, затушил сигарету Макс, – да и вообще... Время есть, деньги тоже – нормально. Головняка, конечно, мы себе наживём с этой любовью к великому, но ты права, могло быть и хуже. А что за условия, небось, опять сроки оплаты сдвигают?

– Да нет, – усмехнулась Лизавета, – на этот раз заплатят всё и сразу. Они другого хотят... Чтобы мы вступили в партию.

– Что?! – хором спросили Макс с Алексеем.

– Это условие Руморева. У него неприятности. Кто-то компромат разместил на сайтах, что мы для него делали, скорее всего, оппозиция. Вот ему и нужны гарантии нашей лояльности. В противном случае отношения с нами прекращаются и все договоры между партией и «Web-студией 2.0» расторгаются.

– Какие-то странные у него понятия о гарантиях, скажу я тебе, – недоумённо пожал плечами Макс. – Ну и что ты ответила? Имей в виду, Лиза, моё жизненное кредо – не член!

– О тебе речь и не идёт, Максик. Румореву Алексей нужен, как директор. Ну и я паровозом, потому как мелькаю постоянно на глазах.

– Слава богу, – усмехнулся Макс, – а то и не представляю, как тебе за меня выкручиваться пришлось бы.

Они оба повернулись к Алексею.

– О чём молчишь, Лёш? – Лиза внимательно смотрела на него. – Что думаешь обо всём этом?

– А что тут думать, – спокойно ответил Алексей, – раньше надо было думать, когда ввязывались. А сейчас прыгать надо в такт заказчику. Для нас это бизнес и ничего более, – как мантру произнёс он последнюю фразу.

Глава вторая

Осень 2009 года

Алексея из «Web-студии 2.0» все его многочисленные интернет-знакомые, друзья и приятели больше знали как Бенджамина. Или просто Бена. Когда-то давно, заводя свой первый блог, Алексей не поленился и сделал себе необычную аватарку – картинку вместо фотографии. Зелёный Бенджамин Франклин со столларовой купюры с застывшей в уголке глаза крупной слезой выглядел оригинально да так и прижился на долгие годы, подарив автору прозвище не только в Интернете, но и в жизни.

Идея собрать веб-студию из трёх составных частей – его, Лизаветы и Макса – родилась у Бена не сразу. Сначала он наконец вернулся в Москву после своего побега из Нью-Йорка и трёхмесячного путешествия по Америке, вернулся почти без денег, но полный идей, зарокров и уверенности в себе. Вернулся и решил, что отныне будет заниматься только Интернетом и забудет про прежнюю профессию.

А спустя два года на очередном проекте, который они запускали уже с Максом («*Как, ты не знаешь этого компьютерного гения? – удивлялись американские программмеры, с которыми он так славнo отвисал на Западном побережье и которым выложил все идеи на экспертизу. – Он же русский, как и ты! Вернётся в Россию, сразу ищи его, тогда не прогоришь...*»), Алексей вдруг узнал, что в Москве появилась и Лизавета, его давняя подруга ещё из той, прежней жизни. И хоть была Лиза в интересном положении и глубокой депрессии, но это его не остановило.

– Говорю тебе, она коммуникатор от Бога, – заявил тогда он Максy, – девка чёрта лысого продать сможет кому угодно, если только захочет. Надо хватать, пока свободная.

Вот и схватились они тогда втроём друг за друга, и как-то всё у них удивительным образом срослось и в отношениях, и, как следствие, в бизнесе. Название их интернет-агентства уже года через три стало именем нарицательным на московском веб-рынке, да и первые большие деньги их не развели. Может, оттого, что не такие уж и большие были те деньги, а может, потому, что безоговорочно верили в гениальность друг друга и не лезли в чужой огород. Лизка отвечала за поиск клиентов и заказчиков, Алексей – за креатив и контент, ну а Макс был потрясающим веб-технологом, хотя и занудой иногда он тоже был.

Несмотря на кризис, дела у «Web-студии 2.0» и сейчас шли неплохо. Спасибо контракту с партией. Когда в самый разгар кризиса, в конце прошлого года, отрасль заметно просела и начали отваливаться даже многолетние партнёры, «Web-студия 2.0», в отличие от конкурентов, не стала сокращаться, а постепенно перевела весь персонал работать над партийным проектом, благо Лизавете пока удавалось добиваться его расширения.

Придумывали они партийный Интернет легко. Пятнадцать сайтов и порталов ведущих партий мира, от Штатов до Японии, от Европы до Австралии, с «заездом» в Китай и Индию, были изучены Беном до мельчайших подробностей. Все новые сервисы и технологические решения досконально разбирались и моделировались Максом. И лишь после такой глубокой проработки Лизавета, вооружившись мировым партийным мейнстримом, делала Румореву очередное предложение, заручившись, естественно, поддержкой людей из его окружения, от которых зависело расположение Юрия Андреевича.

В общем, работа шла, проекты, за которые партия, хоть и с большой задержкой, но всё же платила, сменяли друг друга. Правда, была и обратная сторона у этого политического контракта – приходилось с головой погружаться в атмосферу Центрального аппарата. И выныривать порой было ой как не просто. Но деньги-то, как известно, не пахнут.

Самое время признать, что отношения с деньгами у Бена были предельно простыми. Они легко находили друг друга и также легко расставались, чтобы потом вновь непринуждённо встретиться. Деньги словно любили его, а он уважительно относился к ним за то, что те всегда возвращались, но при этом не упускал возможности посмеяться над священным трепетом, который деньги возбуждали у других. Наверное, поэтому его Бенджамин Франклин и рыдал над собственной судьбой золотого божка. Впрочем, этот аватар вызывал скорее не смех, а размышления.

Индивидуальный социальный пакет «машина – квартира – дача» Бена уже давно не волновал. Автомобиль он имел немецкий, не то чтобы спортивный, но купе. На ночь парковал его в подземном гараже дома в том районе Москвы, который ему очень нравился. Зато друзей удивил дачей, вернее её месторасположением. В то время как все стремились сократить расстояние от загородного дома до МКАД, Бен взял да и прикупил домик в Ростове Великом, за двести километров от Первопрестольной. А потом долго отшучивался: давно, мол, мечтал иметь усадьбу с видом на Кремль. Вид со старого крепостного вала, на котором стоял этот дом, действительно был великолепен: одни окна выходили на Ростовский кремль, другие на озеро. Последним хозяином особняка был никому не известный местный художник, в талант которого не верили даже его наследники, ведь писал он всё время вид из окна – красивое озеро Неро. Сквозь ветки деревьев весной и замёрзшие стёкла зимой, а ещё на восходе и при закате – один и тот же вид, одно и то же озеро. Так и досталась Алексею неразобранная мастерская в мансарде на втором этаже, в которой хранились почти четыре десятка пыльных холстов и эскизов. В общем, нравился ему этот дом, который он переделал под себя, даже нравилось называть себя ростовчанином с московской пропиской.

Хотя не меньше чем дом, ему нравилась дорога к нему. Нет, не само Ярославское шоссе, а то ощущение, которое всегда охватывало его, когда он выводил автомобиль на загородную трассу. Очень любил Бен погружаться в такое состояние, когда он, автомобиль и дорога – одно целое, когда правильно подобранная музыка и скорость создают ощущение полёта.

– Дорога – вот моя медитация, – как-то признался он Лизавете, которая что-то рассказывала про своё увлечение йогой, – не поверишь, Лизка, у меня за рулём сознание расширяется, – шутил Бен.

Но на самом деле в чём-то был прав. Все его лучшие проекты рождались после общения с дорогой.

Потому и дачу выбрал подальше от Москвы. Потому и каждый свой отпуск проводил за рулём, наматывая на колёса арендованных авто страны и континенты. Почти всю Европу с островами, Америку с востока на запад (с этого всё и началось) и даже Австралию по периметру объехал Бен в компании таких же повёрнутых на дороге приятелей.

Кстати, пора поговорить и о внешнем облике Алексея, ибо любой герой, который не пробуждает у своего читателя, особенно женской его половины, симпатии или дружеского расположения, обречён. Помните, как трагично про это поётся у Земфиры:

*Здравствуй, мама,
Плохие новости.
Герой погибнет в начале повести...*

Поэтому, хоть наш Бен и равнодушен к певице Земфире, срочно вернёмся к его внешности.

Всё высокое – рост, лоб и подъём стопы. Всё длинное – руки, ноги и нос. Зелёные – только глаза и та самая знаменитая аватарка, сделавшая его Беном. Кстати, при определённых обстоятельствах глаза могли приобретать желтоватый оттенок, но к внешности эти обстоятельства имеют слабое отношение. А ещё он был рыжий. Ну не рыжий-рыжий, и если уж честно, то

совсем не рыжий. Но когда-то давным-давно, ещё в звонком детстве, было у мальчика Алёши большое рыжее пятно на русой головке, прямо на макушке. После десяти лет медно-рыжее стало уступать тёмно-русому и к взрослой жизни пропало с головы совсем, что не мешало ему чувствовать себя другим, ведь про себя всегда знаешь много больше остальных. Хотя остальные тоже бывают наблюдательны. Например, одна из его любимых женщин, сказавшая как-то утром: «...Лёшка, ты сейчас похож на римского патриция. Я себе их такими и представляла...» Впрочем, эти влюблённые выпускницы истфака такие романтичные, да и давно это было, чтобы воспринимать всерьёз столь лестную характеристику.

В свои тридцать семь лет Алексей был свободен от предрассудков и, как следствие, ненужных штампов в паспорте. При этом минусы одинокой холостяцкой жизни его совершенно не смущали. Он умел влюбляться сам и влюблять в себя женщин, а женщины любили его и жили с ним, пока не наступала пора расставаться. Последний раз, кстати, такая пора наступила совсем недавно, и он снова был свободен. Удивительно, но даже после разлуки почти все женщины Бена дружили с ним. Так что в отличие от многих мужчин своего поколения перемен, Бен вёл счёт не бывшим жёнам, а любимым женщинам. Согласитесь, есть разница не только по форме, но и по содержанию. Вообще, он неплохо устроился в своей жизни, этот Бен...

* * *

– Варя, привет, можешь говорить? – участливо спросил он в трубку телефона.

– Салют, Лёшка! Конечно, могу...

– Ну тогда говори! – весело перебил её Бен и засмеялся, откидываясь в кресле.

– Развлекаешься, как всегда? – Варвара была девушка строгая, но к Алексею относилась хорошо и снисходительно терпела его постоянные шуточки. – И не надоело ещё на один и тот же прикол каждый раз меня покупать?

– Не-а, не надоело, да и зачем новые приколы, если ты на старые ведёшься?

– Шутник... Давай выкладывай, с чем звонишь?

– Эх, Варя-Варя, строга ты ко мне, все чувства на корню рубишь... – смеялся Бен.

Познакомились они с Варварой года два назад, когда делали сайт одному важному члену Совета Федерации. И девушка Варя, руководитель секретариата сенатора, помогавшая тогда «Web-студии 2.0» общаться с заказчиком, потом вдруг оказалась хорошей подругой и последние месяцы частенько выручала Алексея дельным советом, как обойти те или иные аппаратные препоны внутри партийной системы, которая мало отличалась от других государственных структур. Ведь в отличие от Бена и его друзей госслужба была её стихией.

Но сейчас Алексей звонил по другому вопросу. Он уже несколько дней корпел над сайтом Путина и ничего путного, уж извините за каламбур, не мог придумать.

– Скажи, Варя, за что ты Путина любишь? – неожиданно спросил он. – Не пугайся, на меня сайт его свалился, мыслей куча, а куда рулить, не знаю...

– Поздравляю, растёшь на глазах, – рассмеялась Варя и после секундной паузы спросила: – А с чего ты решил, что я его люблю?

– Ну здравствуйте, приехали, – усмехнулся Бен, – работа у вас такая, государевы люди должны любить своего суверена. Это мы душу за деньги продаём, а вы-то исключительно за идею.

– Ну да, ты прав, с деньгами у нас не ахти... Но с идейностью-то ещё хуже. Какая уж тут любовь... Ты меня знаешь, Лёшка, я халтуру терпеть не могу, всё, что от меня зависит, сделаю по максимуму и даже чуть больше, но любви от меня требовать не надо. За это могу и укусь нечаянно.

– Стоп-стоп-стоп! – опешил Бен. – Варь, я что, на большую мозоль наступил? Ты как в том анекдоте, на вопрос: «Как дела, как здоровье?» целую историю болезни вывалила. Ты что, сердисься?

– Нет, Лёшк, извини, пожалуйста. Что-то меня действительно не в ту степь занесло. Ну не знаю я, что тебе ответить. Ну юмор у него своеобразный, мужской очень, нравится иногда.

– Ты знаешь, Варя, я тут историю одну вспомнил, удивила меня, может, и тебя развлечёт. Я же давеча две недели Шотландии посвятил, если помнишь.

– Помню, Лёша, ещё раз спасибо за сувенирчик.

– Перестань, ну что ты. Так вот, на обратном пути везёт меня в аэропорт таксист. Пожилой такой дядька, я думал, индус, но разговорились, оказалось, из Бангладеш родом, уже 20 лет, как в Великобритании осел. И, представляешь, спрашивает он у меня где-то на полпути: «А как там у вас президент Путин поживает?»

Я растерялся. «Да не президент он уже, – отвечаю, – 2009 год на носу, уже два года, как его преемник у нас президентствует, а как дальше будет, так и фиг его знает, может, снова из премьеров в президенты вернётся». Ну и этот Али-Баба из Бангладеш, ничего явно не поняв из моих объяснений, всю оставшуюся дорогу восторженно втюхивал, какой молодец мистер Путин за то, что один во всём мире мистера Буша не боится.

Ну мне же надо что-то ему отвечать, я и говорю: «А ваш мистер Браун тоже ничего, энергичный, шотландец к тому же...» А он меня перебивает вопросом: «А кто это?» Варя, представь, пожилой работяга, мигрант из жопы мира, да простит меня его Бангладеш, столько лет проживший в Соединённом Королевстве, рассказывает мне про Путина, а самого популярного за последнее десятилетие английского премьера не знает. Как тебе?

– Да никак, – быстро ответила Варя. – Всё логично, Лёшка, мы знать не хотим наших, они не знают своих. Баланс, называется. Вот мы все и балансируем.

– Ну а мне-то что делать?!

– Присоединяйся, Лёшечка, присоединяйся!

* * *

Офис «Web-студии 2.0» располагался в старом арбатском доме с мезонином, где они арендовали полтора этажа с отдельным выходом на Трубниковский переулок. На первом, в трёх больших залах, обитали программисты, дизайнеры и верстальщики, а небольшие комнатки на втором этаже занимали Алексей, Лиза и Макс. Были их кабинеты хоть и маленькие, но светлые, и попасть к ним наверх можно было по старинной чугунной лестнице через большой круглый холл, в котором они устроили зал для переговоров, где принимали гостей и проводили совещания. Но сейчас ни гостей, ни клиентов в офисе не было, традиционную утреннюю планёрку уже провели, Лизавета укатила куда-то по своим делам, а Бен сидел у Макса и, чем-то расстроенный, пил кофе.

– Куда Лизка поехала, не знаешь? – спросил его Макс.

– А что тут знать? К Румореву поехала, заявления о приёме в партию повезла. Вчера я написал... – и Бен снова надолго замолчал. – Интересно, а к чему Путин снится? – он устало потёр переносицу, одним крупным глотком допил свой кофе и переспросил: – Как думаешь, Макс, к чему, а?

– К чему – не знаю, а после чего – догадываюсь, – хмыкнул Макс. – Кто-то из нас вчера крепко завис кое с кем. Уж не ты ли?

– Нет, вчера было славно, зависаю я сегодня, – угрюмо признался Бен. – И спал-то всего ничего, а приснится же такое... Откуда что берётся...

– А ты исповедуйся, братец, тебя и отпустит.

– Уж не тебе ли исповедоваться, отец Максимус?

– Да хоть бы и мне, – широко улыбнулся Максим. – Моей дочке старшей одно время кошмары стали сниться, совсем измаялась девчонка, спать ложиться боялась. Так мы её к доктору сводили, а тот, помимо всего прочего, ей коробку цветных карандашей с альбомом вру-

чил. «Как проснёшься, – говорит, – сразу доставай и рисуй свой кошмар. Пару раз раскрасишь в разные цвета, он и уйдёт». Ну и нас проинструктировал, чтобы чёрных карандашей в коробке не было. Помогло, между прочим. Так что вываливай свой ужас-ужас, раскрашивать будем, – улыбался он.

– Да не было никакого кошмара, так, муть какая-то... Пойдём пообедаем, по дороге расскажу...

– Слушай, ну ты если клина поймал с этим сайтом Путина, может, съездишь куда-нибудь на недельку, развеешься? У тебя же вечнооткрытый «шенген», садись на ероплан да и лети себе.

– Да я думал уже, Макс, об этом... И виза открыта, и друзья без всяких виз в гости зовут... Может, и правда, бросить всё и уехать в какой-нибудь Урюпинск?

– Конечно! Он ещё спрашивает! Конечно, ехать! И неважно куда, – засмеялся Макс, – а сейчас – обедать!

Они вышли из офиса, направились в сторону Нового Арбата, где в ближайших кафешках обычно и обедали. Отсмеявшись по пути над снами друг друга, они свернули в маленький грузинский ресторанчик «Мимино» на углу Трубниковского переулка, где их встретили ненавязчивая музыка из одноимённого фильма и пожилой усатый администратор.

– Гамарджоба, генацвале, всегда рад тебе, проходи, дорогой, давно ждём тебя, – низким голосом с сильным кавказским акцентом поприветствовал усач Бена, крепко пожимая ему руку.

Затем, слово в слово повторив то же Макс, усач провёл их через весь зал на открытую уютную терраску, где сейчас никого не было.

– Что кушать будете, генацвале? Как всегда или посоветовать?

– Мне, как всегда, долму, – улыбнулся Макс.

– Спасибо, Гиви, а мне супчик какой-нибудь, только повкуснее, – попросил Бен.

– У Мананы сегодня харчо из баранины, – многозначительно посмотрел на него усач. – Зря хвалить не буду, дорогой, ты Манану знаешь.

– Да, Гиви, отлично, спасибо. И можно всё сразу подавать.

Совсем скоро на столе появились корзинка с пури, две бутылки «Боржоми», свежие овощи с зеленью, пара пиал с ткемали и аджикой и сырная нарезка.

– Ты понимаешь, Макс, у меня все пазлы в кучку не собираются, – заговорил о своём Бен, – мыслей-то много, а в одно целое не выстраиваются, всё банальщина какая-то. Сайтов-то о Путине много, и разных, а вот что нам предложить, не знаю. Так, чтобы и официально было, лидер партии всё ж таки, и в тоже время уравновесить этот пафос. Гвоздя нет, на котором висеть всё будет...

– Про блог думал? – спросил Макс. – Web 2.0 – модная тема, беспроблемная.

– Думал, конечно. Не наша тема, – Бен взял по веточке кинзы, укропа и базилика, собрал их в маленький пучок, затем отломил кусок ещё горячей лепёшки, макнул в ткемали и с аппетитом стал всё это жевать, закусывая красно-коричневым в своей спелости южным помидором.

– Почему? Медведев же недавно свой блог открыл и даже активничает там.

– Как же мне нравятся их лепёшки, а помидоры сегодня – просто бомба, налегай, – предложил Бен другу, отправляя в рот очередной кусочек. – Вот потому, что Медведев открыл, нам и нельзя повторяться. У президента Медведева своя концепция в сети, типа молодой и продвинутый юзер, и блог его чётко во всё это вписывается. Путин же другой и в Интернете, и в восприятии его Интернетом. Он по формату не может заигрывать с блогосферой, и мне кажется, что не только у меня такие ощущения, раз блога до сих пор нет. Хотя, согласен, блог Путина на сайте хорошо уравновесил бы его холодный официоз.

– Тогда ход конём, – Макс подцепил вилкой ломтик сулугуни и с удовольствием откусил от него, – весь сайт сделать одним большим блогом, но никому об этом не сказать. Не по форме и содержанию, а по подаче.

– В смысле?

– Вся информация от первого лица: я встретился, я поехал, я сказал, в конце концов, – невозмутимо жевал сыр Макс, – ну а дальше сам развивай...

– Сокращаем дистанцию между Путиным и пользователем? – ухватился за идею Бен. – Доверительность некая появляется... Типа сайт – первоисточник? И слоган – *от первого лица* – во всех смыслах подходит. Неплохо... А если ещё дать возможность онлайн-вопрос ему задать на сайте, так и вовсе закольцовывается.

– Ну ты это хватил, – скептически усмехнулся Макс. – Это сколько же вопросов будет? Когда он на них отвечать станет? Его пресс-службе тогда только на этот сайт и работать надо будет. Нет, не прокнает, работать никто не любит.

– А неважно, Макс, что они любят, главное – идея правильная. В конце концов, ему необязательно на все вопросы отвечать, может и на один ответить, но на самый главный, который пользователи выберут, интерактивность опять же.

Симпатичная официантка в униформе а-ля стюардесса нечаянно прервала разговор:

– Ваш заказ, пожалуйста... – и стала выставлять тарелки с едой.

– Ох и нравится же мне ваша долма в виноградных листьях, – признался Макс.

– Кушайте на здоровье, тётя Манана рада будет, – расплылась в улыбке девушка.

Бен проводил её долгим оценивающим взглядом, на что Макс, посмеиваясь, спросил:

– Симпатичная, да? Но до Задрыгайло далеко... Помнишь?

– Да уж, Задрыгайло трудно забыть, – оторвав взгляд от «стюардессы», хмыкнул Бен.

Это была давняя история. Несколько лет назад, на заре создания «Web-студии 2.0», Алексей с Максом оказались в славном городе Таганроге, месяц работая на отладке сайта информационно-логистического центра местного порта. И вечера они проводили, зависая после работы в одном приятном ресторанчике на берегу Азовского моря. А что ещё можно делать вечерами в чужом, но таком тёплом южном городе?

Ресторан тот держал какой-то очень авторитетный ростовский пацан, у которого был один радующий сторонний глаз бзик – в его заведении официантками могли работать лишь самые красивые девушки побережья, которых он сам отбирал, много платил и за нравственностью которых весьма ревностно следил. Ну в том смысле, что запрещено им было заводить отношения с клиентами под страхом увольнения. И даже сейчас, много лет спустя, надо признать, что там был потрясающий цветник. Если уж примерный семьянин Макс не переставая крутил головой, то что тут говорить про Бена.

Алексей прямо извёлся, пытаясь обратить на себя внимание одной красотки, обслуживающей соседний столик, но связанная обязательствами и, прямо скажем, балованная мужским вниманием барышня упорно не замечала его. Попытки познакомиться разбивались о загадочную улыбку прекрасной казачки. И тогда, уже после изрядного подпития, Бен решился на фол последней надежды. На выходе из заведения он резко развернулся и громко потребовал книгу жалоб и предложений, дабы поблагодарить хозяина заведения за этот цветник, в котором просто невозможно думать о еде. Расплывшийся в понимающей улыбке бармен услужливо достал и книгу, и ручку и готов был ответить на любой вопрос благодарного клиента.

– Вот как, например, зовут вон ту красотку? – показал в зал Бен.

– Эту? – переспросил бармен, указывая на проходящую мимо с подносом красавицу.

– Не-не-не, вон ту, у дальнего столика, слева от окна, заказ принимает.

– Афродита, – с готовностью ответил тот и даже возмутился недоверчивым взглядом Алексея: – Настоящее имя! У неё всё настоящее!

– О-о-о! – восхищённо протянул Бен. – Это в корне меняет дело! Ну ладно, Фрося, так и запишем... – продолжал он вынашивать свои далеко идущие планы. – А фамилия у нашей Афродиты есть? Родина должна знать своих героев. Мы журналисты из Москвы, – на ходу придумывал он. – Если ещё и телефончик её дадите, то можем и интервью взять. Если она нам даст, конечно... – двусмысленно покосился он на Макса.

– Ух ты! Даст, конечно, даст, – простодушно откликнулся бармен, – она хорошая девочка, а фамилия у неё Задрыгайло... – с мягким и протяжным на букве Г южным говором произнёс он.

– Как?! – Алексея словно подстрелили на взлёте в его кураже. – Афродита Задрыгайло?!

– Ну да, – недоумённо смотрел на странного клиента бармен, – и фамилия настоящая, не сомневайся... Писать-то будешь? – вывел он из ступора Алексея, который молча таращился на давящегося от смеха Макса.

– Нет, – твердо ответил он и вышел.

Ну а притча про Афродиту Задрыгайло с тех пор вошла в обязательную программу всех дружеских вечеринок.

Глава третья

Осень 2009 года

Пару лет назад, когда у Макса родилась третья дочка, Бен сделал заявление. Ну да, именно так это и выглядело, очень даже официально: он залез на бетонную тумбу старого неработающего фонтана во дворе роддома и в своей обычной манере, смеясь, заявил:

– Макс, единственное, что ты делаешь в своей жизни очень хорошо, – это девочек. За тебя, братское сердце! – ну и прямо на той же тумбе, не слезая, допил остатки текилы из горлышка бутылки.

Девочка родилась без четверти полночь, и по всем договорённостям с персоналом Макс должен был в тот момент находиться рядом с женой, но внезапно случился карантин, и доступ счастливому отцу перекрыли не только в родильное отделение, но и в персональную палату. Хорошо, что было начало августа и было тепло. Хорошо, что есть друзья, которые без просьбы бросают всё и приезжают, когда так тошно одному бродить под окнами в ожидании очередного чуда. Ну и, конечно, хорошо, что есть дворик со старым заброшенным фонтаном, где так классно пить текилу и радоваться, радоваться, радоваться...

Но Макс был не только примерным семьянином, своим спокойствием он уравновешивал импульсивность Бена и готовность Лизы схватиться за любую работу. И если Алексея с его фонтаном идей и энергией можно было назвать отцом-основателем «Web-студии 2.0», Лизавету с её постоянным поиском новых контрактов – матерью-героиней, то Макс, несомненно, был ангелом-хранителем компании. Его непробиваемая невозмутимость спасала фирму от необдуманных движений в ту или иную крайность, а своеобразное чувство юмора прекрасно гасило все внутренние противоречия, свойственные любому творческому коллективу.

Был он на три года старше Бена и на пять лет – Лизы, выделялся заметным, под два метра, ростом, придирчиво относился к своему гардеробу (одна коллекция постоянных шарфиков и пиджаков чего стоит) и с двухметровой высоты своего положения с доброжелательной снисходительностью наблюдал за тем, что происходит вокруг. Слабость питал ко всякого рода интеллектуальным изыскам, от неожиданных решений в части веб-технологий до артхаусного кино и высоколобой литературы. Собственно, эта слабость вкупе с математическим складом ума и располагала его к постоянному придумыванию, ну или к развенчиванию, в зависимости от настроения, самых разнообразных конспирологических теорий. Кстати, его блог, где он обкатывал свои игры разума, был весьма известен в кругу таких же эстетствующих технарей.

Последним хитом блога Макса был опрос на тему «Кто за всю историю человечества внёс больший вклад в популяризацию термина „андроид“: его автор *Albertus Magnus* – создатель первого человекоподобного андроида в 1270 году, *братья Стругацкие*, которые в 1960 году придумали свой Мир Полудня, заселили его андроидами и запретили им возвращаться на Землю, или же *Владимир Путин*, который к 2000 году вернул андроидов на Землю, создав правящую партию, члены которой и получили такое уничижительное прозвище».

* * *

– Здравствуйте. Скажите, здесь посылают в космос? – в дверях стоял Макс и, хитро улыбаясь, вопросительно смотрел на Бена.

– Здесь-здесь, заходи, – в ответ улыбнулся тот, – и посылают тоже здесь.

Откуда у них появилась эта присказка, ни Макс, ни Бен уже давно не помнили, но была она как некий пароль в ту часть времени и пространства, где нет места текущей суете. Сразу

после этого, как правило, доставались коробки с табаком, сигаретными фильтрами, неспешно забивались сигареты, и начиналась та, малораспространённая ныне церемония, когда разный табак пробуют на вкус. Под содержательный разговор, разумеется, ведь настоящим мужчинам всегда есть о чём покурить.

– Слышал я тут о вчерашних скачках по Красной площади, камрад Макс, – выпуская облако дыма в сторону открытого окна, Бен старался сохранить максимально серьёзный вид, но было видно, что он с трудом сдерживает улыбку.

– А вы бы не слушали, камрад Бен, что попало, а спросили бы у непосредственных участников события, ибо любой пересказ гораздо хуже оригинала.

– Не скажи, камрад, мне эту картину в красках и лицах Лизка описала, с ваших слов, между прочим. Представляю эту икебану, как по Красной площади несётся гигантскими скачками такая большая и лохматая дылда, как ты, размахивая руками и пугая китайских туристов.

– Да не пугал я никого, – затянулся сигаретой Макс, – просто их так много было, что если бы я обегал, то вообще никуда не успел бы.

– Вот-вот, и я про то же, – не выдержав, заулыбался Бен, – Руморев тут китайских товарищей на съезд приглашает, а ты на его глазах китайцев на гусеницы наматываешь.

– Кстати, камрад, о Румореве... – невозмутимого флегму Макса было трудно сбить с намеченного курса. – Ты бы задумался, Лёха, с чего это вдруг Лизка от него не вылезает. Есть мнение, что охмуряет Руморев Лизавету... Теряем девку, а ты палец о палец не ударишь.

– Я-то тут при чём? – настала очередь отбиваться Бену. – Лизавета вольная птица, сама разберётся, с кем ей пальцем о палец ударять.

– Она разберётся... – хмыкнул Макс. – Знаешь, как на женщин власть действует?

– Как?

– Как мощнейший афродизиак. Сила женщин привлекает, а власть и есть сила.

– Нашёлся мне тут знаток женских душ, – засмеялся Бен, – сам вот Лизку и спасай, раз такой умный. Если догонишь...

– Знаток не знаток, но трёх девок родил. А с женой, мамой, сестрой вовсе женский батальон под началом, так что мне есть кого спасать. Это вот ты у нас свободный, – снова хмыкнул Макс, – пока...

– Макс, ты мне зубы-то не заговаривай, давай лучше про забег к Спасской башне.

– Вчера у Руморева был доступ к телу за Кремлёвской стеной. Уж не знаю, что это за тело, но, видимо, то, в чьей компетенции рекомендовать Путину жать кнопки запуска партийных сайтов. Ты же помнишь, Руморев благодаря Лизке эту идею с прошлого съезда вынашивает.

– Стоп, Макс, при чём тут Кремль, когда премьер в Белом доме сидит? С каких пор Путин рекомендации президентской администрации слушает, у него, что ли, своей нет?

– Экий ты дремучий, камрад, совсем в российской политике не шаришь. Хотя что с тебя взять, ты ведь даже в лицо первых людей партии, на которую батрачишь, не знаешь... Ну забей ещё сигаретку, так уж и быть, просвещу, – усмехнулся Макс. – Это для таких, как ты, в Кремле и Белом доме две разных администрации, а, по сути, она одна. И заметь, никто никого не ограничивает, никто ничего не узурпирует, так заточено изначально, ведь так действительно проще. У танDEMократии головы может быть и две, как на гербе, но тело-то власти едино. Поэтому Руморев раз в неделю и ходит к этому телу на согласование... – Макс на секунду отвлёкся. – Слушай, а я ведь ещё и недурной рассказчик. С доступа к телу начал, телом же и закончил, – улыбнулся он.

– Ну с телом более-менее понятно, а ты-то там каким боком?

– Так я же Румореву презентационный ролик с анимационными заставками для съезда сделал, должен был вчера в четыре часа утверждать у него перед смотрами. Приехал, сижу в приёмной, жду, того нет и нет. Вдруг сам звонит секретарше из машины: у меня, мол, совещание в Кремле, срочно везите презентацию сюда, буду ждать в 17:00 у Спасской башни. А так

как он её посмотреть не успел, нужен был кто-то, кто знает хоть, о чём речь... Короче, пришлось мне ехать. А времени, между прочим, уже полчаса оставалось. До проспекта Сахарова я долетел быстро, а там стал глухо в пробке. Время тикает, что делать? Пришлось бросать машину и прыгать в метро. Так быстро я давно не бегал, Лёха. Вылетел с «Охотного Ряда» на Красную площадь без пяти пять, картина, конечно, маслом: все так чинно ходят по площади, туристы, иностранцы... И я несусь, как лось. Но зато успел. Руморев уже стоит, злой как собака, диск взял, пару вопросов задал, потом махнул рукой и рысцой побежал сквозь Спасскую башню в Кремль. Вот и вся история. А что смешного-то?

– Да так... Смешно, вот и смеюсь. Курьером зато поработал, в голодный год не пропадёшь.

– Я и в сытый не пропаду, хватит ржать! – отрезал Макс. – Послушай лучше, у меня теория любопытная родилась по этому поводу.

– О да! Ты известный конспиролух. И где, как не на Красной площади, теории заговоров придумывать... Ну валяй, рассказывай.

– Смейся-смейся... Я тебе тут давеча новую книжку Паланика советовал почитать. Осил?

– Нет, Макс, извини, ещё руки не дошли.

– Там не руки, там голова нужна, – Макс снисходительно покосился на Бена.

– Эт точно! Найди мне новую голову, дружище, а то моя всем этим хламом переполнена, – Бен кивнул головой в сторону стола с двумя большими мониторами, заваленного кипой листов с эскизами, схемами и таблицами. – Тут на столе места не хватает, не то что в голове, – пожаловался он.

– Ну тогда слушай вольный пересказ, ибо эта его новая вещичка «Снафф», под впечатлением от которой я нахожусь, собственно, и навела мне очередную теорию... Сюжет прост, как топор под лавкой, – начал рассказ Макс, – но, как водится у Паланика, с подвыподвертом. Шестьсот мужиков и одна порнодива на съёмках самого жёсткого кино категории «снафф». Что ты нос морщишь? Ну это когда порносъёмки кончаются смертельным исходом, когда происходит реальная, а не постановочная смерть кого-то во время секса. Короче, самое жестокое кино, какое только можно придумать. Все персонажи, кроме главной героини, – под номерами. Ну и запускается конвейер: номер 504, с вещами на выход, ну в смысле, без вещей, но с виагрой и кремом. И ни стыда ни совести. Главное, правильно совершать фрикции и красиво выглядеть на экране. Неважно, что двое погибли, важно, что получится настоящий снафф, аналогов которому ещё не было в истории. И все довольны: зрители, актёры... Ну те, разумеется, кто живой останется.

– Ну и мораль сей басни какова? – перебил Бен. – Что-то последнее время тема порносъёмок волнует всех околomodных авторов без исключения.

– А никакой морали. Не перебивай, а то рассказывать не буду, – пригрозил Макс. – Какая уж здесь мораль, всё предельно аморально. Но! – театрально поднял он вверх указательный палец. – Морали нет, а любофф есть! Оказывается, все эти мужчины любят эту женщину: нервно потеют, боятся, хотят, мечтают, ненавидят. Но любят каждый по-своему, не отдавая даже отчёта в этом...

– Короче, Макс, отбросы общества тоже могут любить – старо как мир. Заканчивай с прелюдией-то, – усмехнулся Бен. – Хотя неудивительно, что после таких книжек тебя на долгие прелюдии пробивает, – рассмеялся он, – главное, камрад, тебе самому после этого живым остаться.

– Да бог с ними, отбросами, не о них речь, – отмахнулся от шутки Макс, – я вот смотрел в спину испуганному Румореву, рысцой бегущему в Кремль, и думал, как всё похоже-то. Есть власть, ну то самое тело за Кремлёвской стеной, которая время от времени раздвигает свои ноги то Спасскими, то Боровицкими вратами. И все мечтают войти в неё. Так же потеют

от страха, вожделеют и ненавидят, но страстно любят и рвутся попасть в её нутро, не думая о последствиях. А тут ведь те же законы жанра – в реалити-шоу кто-то обязательно периодически должен умирать, иначе публика заскучает. Кстати, и здесь все персонажи под номерами, они от имён своих готовы отказаться, лишь бы стать по ранжиру – третьим человеком в государстве, пятым, десятым... Так что банальный номер 504 просто обязан совершать ритмичные движения, чтобы правильно выглядеть на самом большом в мире теле на фоне страждущих в очереди. Иначе умрёт именно он.

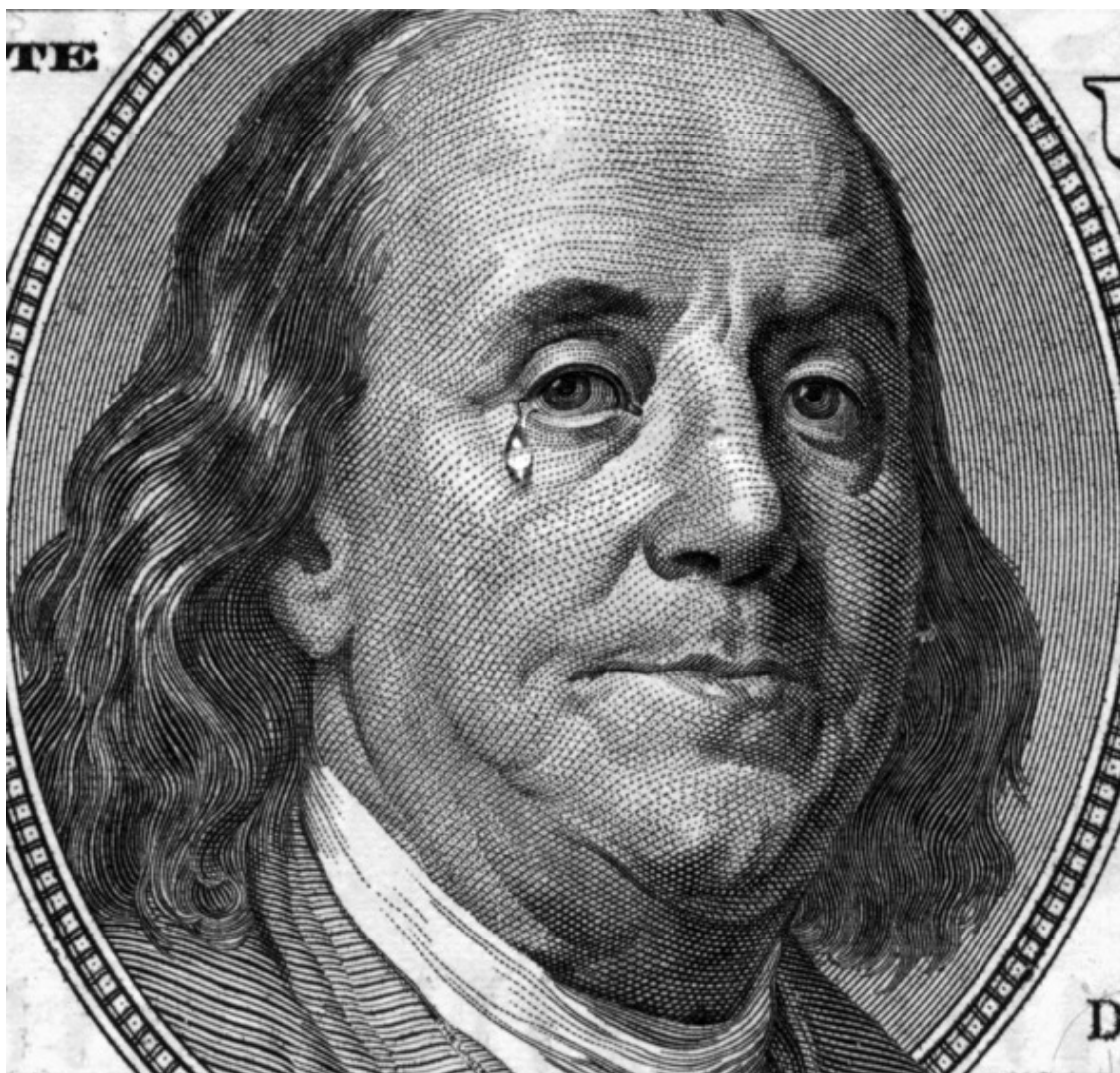
– Н-да... Вот потому я всегда и побаивался вашего брата программиста, – покачал головой Бен. – Вы же маньяки все. Сидите себе, над кодами корпите, гении-тихушники, и вдруг бац – в башке перемкнуло от очередной фигни. Вы же нормальные книги не читаете, вам всё смыслы подавай, а в головушках-то ваших по две циферки-то всего, вот двоичный код с нуля на единицу перекинулся, и понеслась... Кто на битву с матрицей, кто на борьбу с режимом, а кто сразу в психушку. Ты вот в кремлеведы-сексологи подался. Это промежуточное состояние. Самое опасное, между прочим. И зря смеёшься, Макс. Теория твоя забавна, навредить эти игры разума никому не могут, а вот обидеть – запросто. А знаешь, почему? Да ты ведь этой своей историей всех руморевых одной шестой части суши в мозг трахаешь. Жёстко, без постановочных кадров. Вот такой снафф тебе точно никто не простит. *Уж я это, как никто другой, знаю.* Так что никому про это не рассказывай. Тем более после нашего брака по расчёту с партией... А на их реалити-шоу мне наплевать, пусть продолжается, главное, самим теперь в этот конвейер не угодить. Поверь *моему опыту*, выбираться ой как трудно.

– Да я-то поверю, Лёха, отчего не поверить, – улыбнулся Макс, – но, может, ты наконец поведаешь про свой опыт-то? Столько лет прошло, а вы с Лизкой до сих пор междометиями об этом вслух вспоминаете. Может, расскажешь свою историю, Лёш? Меня, признаюсь, давно любопытство пучит вывести главную тайну Мальчища-Кибальчища по имени Бен.

– Расскажу... – пожал плечами Алексей. – Вот только никакого Бена тогда ещё в природе не существовало, с 99 года столько лет прошло...

Часть 2. Вид с высоты

...старинная русская забава – поиск виновных.
В. Путин

Глава четвёртая

Осень 1999 года

Он дрожал... Дрожали пальцы рук. Дрожали колени. Вибрировало в животе, и казалось, эта многочасовая дрожь вот-вот сделает своё дело. Он уже давно прислушивался к себе и, похоже, хотел, чтобы ему стало наконец плохо. Тогда можно было бы не смотреть на них. Тогда можно было бы начать жалеть себя. Но плохо не было. Не было и хорошо. Было никак. Был он и они. Он один – и их трое. Больше никого в этом переполненном самолёте не существовало.

Он никогда не думал, что в самолётах можно летать стоя. Всё-таки самолёт не метро и не автобус. Но лететь пришлось именно стоя, хотя ещё три часа назад он был безумно рад и этому, ведь двое суток ожидания это немало. Борта регулярно садились и взлетали, но ему всё не находилось места под крылом военно-транспортной авиации. Журналист подождёт, тут люди с войны домой возвращаются. И комендант аэропорта по-своему был прав. А он чувствовал эту правоту и терпеливо ждал. Но двое суток – это перебор. Он не стал скандалить, а демонстративно позвонил в редакцию и начал диктовать сообщение якобы на информационную ленту: «Невероятные авиапробки образовались в аэропорту Махачкалы...» Ребячество, конечно. Да и недобрый взгляд коменданта был более чем красноречив. Но на ближайший борт его с товарищами посадили. Или поставили...

Несколько десятков бойцов, раненые офицеры, военный прокурор со свитой и он. Раненые и прокурор с трудом поместились в некоем подобии салона за кабиной пилота, а он с бойцами стоял в грузовом отсеке. Сидячие места имелись и там – железные откидывающиеся скамейки вдоль бортов, – но слишком много было народу. И хотя с краю оставались свободные места, все жались к кабине пилотов, а стоящие в хвосте самолёта три больших, обитых цинковыми листами ящика притягивали взгляд. Так странно и летели: спиной к пилотам, лицом к зловещему грузу, сбившись в плотную массу, – люди, баулы, какие-то коробки, оружие – всё плотно утрамбовала вибрация винтовой «Аннушки» – и этот невыносимый запах.

Но страшнее запаха для него оказалась вибрация самолёта. Не слишком сильная на высоте, но постоянная, она заставляла дрожать всех. Дрожали и они. Эти три ящика. Три цинковых гроба. Три груза 200. И, стоя в паре метров от них, он случайно увидел, как от вибрации на цинковом листе стали появляться маленькие белые точки. Опарыши. Да! ДА!!! Этих белых, как рис, трупных червей вытрясало из каких-то щелей страшного, плохо сколоченного ящика и медленно сбивало к центру... В общую россыпь... Очень медленно...

* * *

Осень 2009 года

Наверное, было уже далеко за полночь, но смотреть на часы не хотелось. Так и лежал, глядя в окно на мерцающие огни ночного города.

Отчего снова вспомнилась та великая дрожь? Ведь давно уже она перестала приходить к нему. Столько лет прошло... А, кстати, ровно десять, год в год. Почти и забыл уже... Захотел забыть и забыл про точку опоры, которая спасала, когда от безысходности опускались руки. Прописная истина, что всё в этой жизни познаётся в сравнении. Да, ему было с чем сравнивать. И когда он нашёл свою точку опоры, ему, как тому Архимеду, стало легче переворачивать мир. То ли свой, то ли окружающий. Но это было тогда...

«Макс, гадёныш, разбередил своим снаффом. Хватит, было и прошло, не хочу я ничего больше переворачивать...»

Бен перевернулся на другой бок и уснул...

* * *

Осень 1999 года

– Я слышал, ты в Чечню лыжи наострил? – старый приятель-конкурент Стёпа Рысин, похоже, был не очень рад его ближайшей командировке. Как-то так повелось, что сидели они на одной тематике – журналистские расследования, армия и всё такое, с уважительным вниманием следили друг за другом и даже приятельствовали, несмотря на то, что Стёпа трудился редактором отдела в «Комсомолке», а Алексей – в «Аргументах».

– Да ладно, Стёпа, не злись, ты с пресс-службой уже весь Северный Кавказ исколесил, – улыбался он, хотя, признаться, был доволен, что обошёл приятеля в их негласном соревновании.

– Я с пресс-службой, а ты со спецназом. Сравнил, тоже мне... А вы куда, в тот самый Ботлих отправляетесь? – и Стёпа снова сокрушённо качнул головой. – Слушай, точно тебе говорю, с этого Ботлиха вторая чеченская война начнётся. Мне мои дружочки из десантуры слили, что их в Моздок перебрасывают на усиление. А какое это на фиг усиление, когда они там в боевой порядок разворачиваются...

Алексее действительно удалось договориться о поездке на Кавказ со спецназом внутренних войск, и он много ждал от этой командировки в обход пресс-служб, тем более что ехать предстояло в Ботлих, небольшое дагестанское село на границе с Чечнёй, где совсем недавно отряды Басаева наделали много шума, перейдя границу. Боевиков в конце концов рассеяли, высоты вокруг села зачистили, но воинственная риторика властей, приведшая в движение всю российскую военную машину, недвусмысленно указывала: простым боестолкновением дело не закончится. И прав был Стёпа Рысин – на Кавказе вновь серьёзно запахло большой войной. Ещё никто не знал, какой она будет, да и вообще, решится ли Кремль после позора первой войны. Но оказаться в месте, где делается история, очень хотелось. Особенно если при этом так эффектно обходишь на вираже конкурентов...

Отряд специального назначения внутренних войск «Скиф», с которым он собрался на Кавказ, возглавлял подполковник Сергей Кулик. Сын генерала (его отец в своё время был министром внутренних дел), он не протирал паркет в штабах, воевал в Чечне, и именно его спецназ вместе с другими наиболее боеспособными частями перебросили в Ботлих, когда там началась заваруха. И через несколько дней лёгкий в общении с людьми Кулик сам появился в редакции:

– Ребята, почти весь отряд уже в Ботлихе, скоро офицерскую смену повезу туда же, давайте что-нибудь замутим бойцам в подарок...

Так уж повелось ещё с первой чеченской кампании, что редакция часто договаривалась с бизнесменами о какой-нибудь благотворительной акции и регулярно отправляла в Чечню подарки. Вот и на этот раз без труда уговорили табачную фабрику. Тогда же договорились и с Куликом, что он возьмёт Алексея с собой. Так в начале сентября 1999 года он и появился в расположении отряда с двумя огромными коробками сигарет.

– Алексей Барышев, журналист, редактор отдела расследований «Аргументов», – коротко представил его офицерам Кулик и, покосившись на своего особиста, добавил: – Язык держать за зубами, что с нами пресса.

Потом одобрительно осмотрел Алексея. В чёрных джинсах с накладными карманами в стиле милитари и чёрной же джинсовой рубашке он издала почти не выделялся среди офицеров, одетых в чёрную полевую форму спецназа, только берета не хватало. Даже возраста они все были примерно одного – около тридцати или чуть больше.

– Старшина, выдать журналисту куртку спецназовскую, – и уже ему: – Наденешь, если кто любопытствовать станет на твой счёт. Так будет правильно. Так быстрее до отряда доберёмся.

Однако до отряда, расположившегося в средней школе дагестанского селения Ботлих, быстро им добраться не удалось...

* * *

– Ну что ты так переживаешь, сколько можно?

Два бойца срочной службы сидели в курилке за казармой воинской части на окраине Армавира. Один из них был явно чем-то раздосадован.

– Ну не получилось у тебя в этот раз на краповый берет сдать, так ведь по-пацански не сдал, даже командир в пример всем поставил... Да не журись ты, Леший! – дружески толкнув приятеля плечом, второй солдат рассмеялся над этой популярной в их взводе присказкой. – Зато кореш твой, Серёга Журкин, до дембеля теперь должен тебя в чайную водить, зря, что ли, ты его на себе тащил столько...

К экзамену по сдаче нормативов на получение краповых беретов готовился весь армавирский отряд специального назначения №15, хотя к самой сдаче допускалось не больше двух десятков человек. Но двое закадычных товарищей – Лёха Барышев и Серёга Журкин – просто спали и видели себя в этих беретах.

Журкин призывался из Екатеринбурга, Барышев – из уральского же городка Дегтярск. Весь первый год службы в спецназе они как земляки держались вместе и сильно сдружились. Оба крепкие и высокие, за метр восемьдесят, их даже путали поначалу офицеры из-за внешнего сходства.

Вообще, сдача на краповый берет – как праздник в отряде. К некоторым пацанам родители, а порой и барышни приезжали. Но разве с Урала на Юг наездишься... К тому же Лёха и не заикался матери в письмах, что значит служить в спецназе, оберегая от переживаний. Сам же он больше переживал, что не сдаст нормативы, поэтому остервенело готовился. Тон Серёга Журкин задавал, кандидат в мастера спорта по биатлону, постоянно тащил друга на спортивную площадку:

– Лёха, то, что ты два десятка раз под настроение подтянуться можешь, это ничего не значит. С твоей дыхалкой ты и 15 километров пробежишь, и перекрёстный мордобой со своей упёртостью выдержишь. Но перекладина – твоё слабое место, тут не настроение, тут стабильность нужна.

Как в воду глядел...

Сдача уже давно шла по заведённым кем-то правилам, из года в год они не менялись, только становились всё строже и строже. Сначала, понятное дело, надо было теорию сдать, и на этом мало кто из соискателей проваливался. Затем оружие – знание матчасти и огневая подготовка. На стрельбище-то и начинался первый отсев. Но всё равно большинство выходило после огневой на марш-бросок. Этот этап всегда был самым сложным – 15 километров по пересечённой местности, где главная задача инструктора – усложнить твою жизнь, неважно чем – криком, брошенным под ноги взрывпакетом, автоматной очередью над головой или бегом в противогазе; где на десятом километре придётся переходить вброд местную речушку, но так как мала и мелка она, всего по пояс, то кто-то придумал переходить её вдоль, а не поперёк, да ещё и против течения. А последние два километра, самые тяжёлые, надо бежать в горку, которая становится всё круче к финишу. Собственно-то после речки, по отрядной статистике, половина и «умирает». Остальные ломаются на последних километрах.

Ну а дальше совсем просто – нужно незатейливо подтянуться на перекладине. Всего 10 раз. Правда, в полной боевой выкладке и с оружием, в общем, со всем тем, с чем бежал.

И затем, проверив оружие холостым выстрелом, быстрым шагом на рукопашный бой. Здесь, слава богу, надо переодеваться, поэтому у тебя будет несколько минут отдыха перед поединком, в котором главное – продержаться 12 минут на ногах, когда меняющиеся инструкторы, не те, что бежали с тобой марш-бросок, а свежие, будут безбожно лупить и валить тебя с ног. Главное – устоять. Устоял – берет твой, и ты навечно вступишь в краповое братство.

Вот из-за этой романтики и вышли на испытание Лёха Барышев и Серёга Журкин в полной уверенности, что пройдут его до конца, зря, что ли, так измывались над собой постоянными тренировками.

– Слышь, Серый, я тут подумал, главное, чтобы тебе передние зубы в конце не выбили, – толкнул друга в бок Барышев на старте марш-броска. – А то перед строем «Шлужу шпеднажу» как ляпнешь, так у тебя берет и отберут. Хотя фикса золотая тебе бы пошла.

– Ты, Леший, о своих зубах позаботься, сдохнешь, небось, на первом километре, тащи тебя потом, – беззлобно огрызнулся Серёга.

И опять как в воду глядел...

Особых правил в пятнадцатикилометровом марш-броске не было. Бежали группой, темп не давали снизить инструкторы-«краповики», постоянно взвинчивая его. Устал, остановился передохнуть – сошёл с дистанции. Отстал от группы на сотню метров – сошёл с дистанции. Уронил оружие – сошёл с дистанции. Не выполнил команду или не сразу надел противогаз – сошёл с дистанции. И у тебя лишь одно право – самому сказать, что ты сходишь, если больше нет сил держать этот безумный темп. Обязательно надо сказать. Если не сможешь, то ты – «раненый», а спецназ своих не бросает, и тебя будут тащить до самого финиша.

Они бежали, помогая друг другу по заранее оговорённой схеме: то Серёга первым и тянет за собой Лёху, то наоборот. И речку они как-то споро прошли. И дымовые завесы с противогазами пережили, хотя, скорее всего, это тогда Серёга дыхание сбил. И оставалось-то уже не так много – те самые последние километры в гору. И добежало их сюда всего трое из двенадцати замахнувшихся на берет, когда Сергей внезапно рухнул, потеряв сознание.

– Стоять! – гаркнул инструктор и склонился над Журкиным. – Сходи с дистанции, салага, сам сходи, говорю тебе! – орал он, но тот после нескольких шлепков по щекам лишь смог открыть глаза и бездумно водил ими, ничего не понимая.

– Мать твою... – в который раз выругался инструктор, уставился на тяжело дышащих Барышева и сержанта из второго взвода, единственных, кто остался на дистанции, и заорал: – Что стоим?! Раненый в спецназе! Схватили этот мешок с говном и побежали! Быстро! Быстро!

Так и бежали они, вдвоём таща третьего. Бежали в безумную гору, которой не было конца. Откуда силы взялись? Никто не знает этого, даже Барышев помнил лишь занемевшие пальцы на ремне друга. Главное, что они всё-таки добежали до финиша. Вдвоём, таща третьего. Даже инструктор не орал, понимая, что они в том состоянии, где слова уже не имеют смысла. Но правила-то никто не отменял. И впереди ждала перекладина.

Пять раз. Лёха Барышев смог подтянуться всего пять раз. Он всё понял, повиснув на турнике. Он хрипел и тянулся, но не оставалось больше никаких сил, и когда занемевшие пальцы начали медленно разжиматься, он закричал. Закричал от отчаяния и собственного бессилия...

– Рядовой Барышев, выйти из строя!

Отряд стоял на плацу. Уже вручили краповый берет сержанту из второго взвода, с которым они тащили Журкина. Тот сержант подтянулся, устоял в поединке, и теперь лишь счастливо улыбался разбитыми губами. А Барышев смотрел поверх голов, чтобы случайно не встретиться с кем-нибудь взглядом, отвечал, как положено, на благодарность командира. И очень хотел плакать...

5 сентября 1999 года – первый день второй чеченской войны, день указа о начале контр-террористической операции. Уже отбито нападение на Ботлих, но боевики сумели занять село Новолакское, где в райотделе милиции заблокировали липецкий ОМОН. Милиционеров надо было спасать, и ночью, 5 сентября, в Армавире был поднят по тревоге спецназ внутренних войск. Утром следующего дня отряд уже приземлялся на военном аэродроме в Осетии, оттуда – на вертушках – в горный Дагестан, и с марша отряд вышел на подступы к селу Новолакскому.

Вечером в день прибытия майор Яшкин, командир армавирского спецназа, получил приказ скрытно занять господствующую над селом высоту с телевышкой и продержаться до прихода подкрепления. И к часу ночи 94 спецназовца, пройдя буквально под носом боевиков, бесшумно заняли высоту и стали готовить оборону.

Вместе со всеми вгрызался в каменистую дагестанскую землю, готовясь к бою, и рядовой Алексей Барышев. А его полный тёзка журналист Алексей Барышев, который с подполковником Куликом добирался в Ботлих, ещё не знал о его существовании. Они слишком долго добирались. И у солдата с журналистом почти не было шанса встретиться на той войне...

Глава пятая

Осень 1999 года

– Кому сказать, как мы на войну едем, так и не поверит никто.

Искупавшись, они лежали с Куликом на песчаном берегу Каспийского моря. Было жарко и тихо.

– А ты не суетись, журналист. Цени момент. Этот рай бойцы ещё долго вспоминать будут...

Как-то совсем неожиданно, на пути в Ботлих, они застряли на военном аэродроме в Каспийске. После того как над Ботлихом чеченцы сбили вертолёт с несколькими генералами, все полёты в горы резко ограничили. Вот они и загорали, почти как на курорте, уже третий день, ожидая попутную вертушку. Расквартировали их на десантных кораблях, которые благодаря ходу на воздушной подушке стояли прямо на берегу Каспийского моря. В Дагестан спешно перебрасывали войска, и потому все казармы на аэродроме были забиты.

– Слушай, какой уникальный этот аэродром в Каспийске, – не унимался Алексей, – взлётная полоса прямо на берегу моря.

– А у нас, у военных, всё уникальное, – весело заржал Кулик.

– Нет, я серьёзно. Ну вот оглянись кругом, это же полный сюр!

– Это для таких гражданских, как ты, – сюр. А для нас – самый что ни на есть реализм, – усмехнулся Кулик и перевернулся на живот.

Приподнявшись на локтях, они смотрели на эту, словно плывущую в мареве горячего песка, картинку.

Море, солнце, песок... И тут же, на пляже, три десантных корабля стоят себе рядом. Поодаль, над взлётной полосой, завис вертолёт. А между морем и взлёткой застыли какие-то не виданные Алексеем прежде летательные аппараты.

– Вот уж что тут уникально, так это экранопланы, – перехватив его взгляд, на правах бывалого заметил Кулик. – Настоящий летучий корабль. Надо будет вечером поприставать к майору Майорову, чтобы рассказал за чеченским покером про это чудо-юдо.

– Майоров это кто?

– Да связист наш главный, долговязый такой. Умный шибко. Послушаешь его – так прямо всё знает, только успевай лапшу с ушей снимать, – засмеялся Кулик.

Чеченский покер достоин отдельного упоминания. Трое суток ожидания и безделья нужно было чем-то занять, поэтому по вечерам офицеры регулярно собирались расписывать партию. Тут Алексея и приобщили к чеченскому покеру отряда «Скиф». Собственно-то покер был обычным. Но умник майор Майоров завернул тираду, что, мол, существует несколько видов покера, самый распространенный – тexasский, и что именно в него играют в казино. Поэтому и у нашего расписного покера должно быть своё название – чеченский. Под общий хохот спецназовцев: «Майоров, признайся, ты когда последний раз в казино не был?» Алексея и учили играть. И то ли учителя хорошие были, то ли, и это скорее всего, новичкам везёт (как заявил майор Майоров, а связисты – они всё знают), но у него неплохо получалось.

Играли, как водится, на деньги. Проигравший бежал в магазин, покупал кофе, чай, шоколад, но не на сумму проигрыша, а так, чисто символически – важен был сам факт. И вот к концу этого каспийского сидения проигрался и Алексей. Веселились все, ведь целых три дня он, новичок в чеченском покере, не только не проигрывал, но и снимал солидный (виртуальный, конечно) банк, чем породил всеобщий азарт обыграть журналиста и посадить в лужу.

Обыграли-таки и посадили. Это был его первый проигрыш, потому и сумму Алексей запомнил – чуть больше трёх тысяч рублей. Но мчаться в магазин ему не пришлось. Появился посыльный от коменданта и передал Кулику, чтобы срочно готовились к вылету, скоро будет вертушка на Ботлих. Под дружеские приколы – ну и везёт же журналисту, сначала всех в карты обувал, а теперь ещё и магазин обломился – они быстро собрались, погрузились в вертолёт и через полтора часа кружения над горами приземлились на границе с Чечнёй, в печально знаменитом селении Ботлих.

Алексей уже был в доску свой. Приехавшие рассказывали всем подробности его карточного сначала везения, а затем падения. Особенно старался, под взрывы хохота, майор Майоров. Ну а когда в расположении отряда Лёха попытался отдать свой проигрыш, то это вызвало лишь ещё большее веселье:

– Нет, вы посмотрите на него, деньги суёт, не-е-ет, журналист, ты теперь пожизненный магарыч из Каспийска должен!

Так и остался должен до сих пор...

* * *

– Как говаривал мой первый старшина, солдат всегда готов есть, спать и фотографироваться! – улыбаясь, Кулик повернулся в сторону Алексея, которого попросили зайти к командиру.

Рядом с Куликом сидел с недовольным видом начальник особого отдела, который зашёл в штабную комнату незадолго до Барышева.

– Что, Лёха, сколько уже плёнки на детальное фотографирование укреплённых позиций отряда перевёл? Метров десять будет? Да ладно, ладно, мне уже доложили, – подмигнул Кулик, перебивая журналиста на полуслове. – А теперь серьёзно. Пока весь отряд в сборе. Неизвестно ведь, как завтра обернётся. А у нас групповой фотографии нет. Так, чтобы на хорошую камеру, да ещё и все вместе...

Эта фотография долго потом висела у Алексея над столом. Удачный вышел снимок. Вот как все веселились, дурачились, сбиваясь в плотную кучу, чтобы поместиться в кадр, как строили друг другу рожки, что среди солдат, что среди офицеров, так и вышли на снимке – весёлая, смеющаяся, обнимающаяся ватага молодых людей. Один только майор Майоров с умным лицом вышел, ну да у него всегда такое лицо, он уже и не обижается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.